

Эльмира Низами Кызы Гусейнова

обучающаяся СПбГУ по программе «Юриспруденция»

Elmira.Luda@hotmail.com

Илья Александрович Васильев

*доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ,
кандидат юридических наук*

i.vasilev@spbu.ru

СПОРТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФУТБОЛЬНЫХ КЛУБОВ ЗА ДИСКРИМИНАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ БОЛЕЛЬЩИКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЮЗА ЕВРОПЕЙСКИХ ФУТБОЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ (УЕФА) И ФЕДЕРАЦИИ ФУТБОЛА ИТАЛИИ (FIGC)

В публикациях по вопросам спортивного права сопоставлению двух уровней регулирования спортивной ответственности клубов — в рамках УЕФА и национальных ассоциаций — уделяется незначительное внимание. Несмотря на отсутствие преюдициального характера решений юрисдикционных органов национальных ассоциаций и свободы оценки любых фактов органами спортивной юстиции УЕФА, преследуемая организациями обоих уровней цель является единой — продвижение футбола, свободного от любых не связанных со спортом идей, и защита зрителей от демонстрации неспортивного поведения. Настоящая публикация посвящена сопоставлению опыта УЕФА и FIGC в регламентации спортивной ответственности футбольных клубов за дискриминационное поведение болельщиков.

Ключевые слова: ответственность футбольных клубов, поведение болельщиков, строгая ответственность, УЕФА, FIGC

Введение

В комплексе фундаментальных прав ценность человеческого достоинства защищается при помощи права на недискриминацию по любому признаку. Спортивное регулирование также охватывает противодействие дискриминационному поведению, но особым образом определяет субъекта ответственности за совершенное правонарушение. Акты Союза европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) и Федерации футбола Италии (FIGC) называют субъектом ответственности не болельщика, продемонстрировавшего дискриминационное поведение, а клуб, к которому принадлежит болельщик, на основании принципа строгой ответственности (*strict liability*)¹.

Дискриминационное поведение болельщиков описывается в положениях ст. 14 Дисциплинарного регламента УЕФА (далее также — Регламент, регламент) и ст. 11 Кодекса спортивной юстиции (далее также — Кодекс). Исследовав содержание этих норм и практику их применения, мы можем поставить следующие вопросы:

- 1) разграничение ответственности клуба за дискриминационное и оскорбительное поведение принадлежащих к нему болельщиков. Изучение вопроса обуславливает последовательное проведение нами сравнения норм п. 1, 3 ст. 11 и п. 1, 3 ст. 12 Кодекса, а также ч. 1, 2 ст. 14 и ч. 1, п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента;
- 2) выявление действия п. 3 ст. 11 Кодекса, ч. 2 ст. 14 Дисциплинарного регламента в пространстве для определения территориальной зоны ответственности клуба за дискриминационные действия принадлежащих к нему болельщиков;
- 3) определение ответственности клуба в зависимости от момента совершения болельщиками дискриминационного поведения: до, во время, после матча;
- 4) выявление круга субъектов, против которых направлено дискриминационное поведение в соответствии с п. 3 ст. 11 Кодекса, ч. 2 ст. 14 Дисциплинарного регламента;
- 5) предложенные в Дисциплинарном регламенте, Кодексе подходы к формулированию понятия рецидива за совершение болельщиками дискриминационного поведения и регулирования давности спортивного правонарушения — дискриминационного поведения болельщиков для установления рецидива;
- 6) оценка фактов, свидетельствующих о действиях клуба, направленных на предотвращение или пресечение дискриминационного поведения болельщиков, в качестве смягчающих обстоятельств;
- 7) соотношение характера, тяжести совершенного деяния и санкции, назначенной клубу за дискриминационное поведение болельщиков.

---

¹ О формулировании принципа в практике Спортивного арбитражного суда см.: CAS 2002/A/423 PSV Eindhoven. P. 12.

Поставленные вопросы мы будем рассматривать с опорой на нормы Дисциплинарного регламента и Кодекса спортивной юстиции, правоприменительную практику юрисдикционных органов УЕФА, FIGC, органов государственной юрисдикции Италии за 2014–2016 гг.

Содержание понятия дискриминационного поведения болельщиков в целях отграничения от смежных понятий, также связанных с противоправным поведением болельщиков, в Кодексе спортивной юстиции и Дисциплинарном регламенте

В содержание понятия «дискриминационное поведение», сформулированное в п. 1 ст. 11 Кодекса FIGC², был вложен следующий смысл: это любое наказуемое поведение, в соответствии с п. 3 ст. 11, которое *прямо или косвенно вызывает обиду, унижение или оскорбление по признаку расы, цвета кожи, религии, языка, пола, национальности, этнического происхождения, или направлено на запрещенную законом идеологическую пропаганду, или поощряет поведение, ранее признанное дискриминационным*³. В понятие этнического происхождения, как следует из практики юрисдикционных органов FIGC⁴, включается и территориальное происхождение, что позволяет выделять дискриминацию лица по территориальному признаку. Более подробно об оценке территориального признака мы поговорим при рассмотрении правоприменительных решений. Дискриминационным является поведение болельщиков, выражающееся в *скандировании речитативов, криков или представляющее иные формы манифестации, которые по масштабу поведения и возможности реального восприятия присутствующими при этом лицами являются выражением сформулированной в п. 1 ст. 11 Кодекса FIGC дискриминации*. Достаточно пространная формулировка дискриминационного поведения тем не менее опирается на практику противодействия актам дискриминации в регулировании УЕФА. Так, положения ч. 1 ст. 14 Дисциплинарного регламента называют дискриминирующим такое поведение, которое *дискриминирует человека или группу лиц по какому-либо признаку, как то: цвет кожи, раса, религия, этническая принадлежность*. В решениях юрисдикционных органов УЕФА отмечается, что данная организация в правоприменительной практике формулирует *более широкое понятие дискриминации*, чем то, которое обычно используется в национальных уголовных законодательствах⁵.

Согласно п. 3 ст. 11 Кодекса на клубы возложена ответственность за дискриминационное поведение принадлежащих им болельщиков, т.е. применяется принцип стро-

² См.: The Federazione Italiana Giuoco Calcio`s Codes of Sport Justice. URL: <http://www.figc.it/en/99/3815/Norme.shtml> (дата обращения: 17.01.2016).

³ Здесь и далее перевод авторов. — Прим. ред.

⁴ См., напр.: Federazione Italiana Giuoco Calcio. Corte Sportiva d'appello. IIa Sezione Comunicato Ufficiale. N° 090/CSA. (2014/2015) (дело клуба А.С. Pavia).

⁵ См., напр.: Decision of 3 February 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January — June 2015 (дело Hungarian Football Federation).

гой ответственности. В качестве дискриминационного поведения рассматривается, во-первых, демонстрация на стадионе рисунков, сочинений, символов, эмблем и иных вещей, которые содержат дискриминационные выражения, во-вторых, использование речитативов, криков и любых манифестаций, которые воспринимаются как дискриминационные по содержанию. Важным моментом применения норм п. 3 ст. 11 является *оценка дискриминационного поведения с точки зрения масштаба такого действия и возможности реального восприятия присутствующими при этом лицами*. В процессе доказывания в число последних обязательно включается *лицо, против которого направлено поведение*. К примеру, в деле клуба *A.S. Arta Terme* применение юрисдикционным органом такой оценки, не выявившей восприятие поведения лицом, против которого была направлена дискриминация, позволило назначить клубу минимальную санкцию спортивной ответственности, предусмотренной нормами п. 3 ст. 11⁶. Примечательно, что согласно норме п. 5 ст. 11 Кодекса на клубы возложена обязанность предупреждения присутствующих на стадионе болельщиков о санкциях, которые могут быть наложены на клуб в случае дискриминационного поведения принадлежащих к нему болельщиков. Невыполнение клубом этой обязанности является отдельным составом спортивного правонарушения, охватываемого нормами ст. 18 Кодекса⁷.

Как мы продемонстрируем далее в настоящем исследовании, в практике юрисдикционных органов УЕФА и FIGC можно отметить споры, в которых присутствовала необходимость *анализа поведения на предмет наличия дискриминационного, а не оскорбительного характера*. Несмотря на то, что оскорбительное поведение болельщиков не является предметом настоящего исследования, для понимания читателем предмета разграничения считаем важным дать характеристику соответствующим положениям Кодекса. Спортивная ответственность клубов за оскорбительное поведение болельщиков зафиксирована в нормах п. 3 ст. 12 Кодекса и сформулирована достаточно казуистично, но с использованием принципа открытого перечня. Под оскорбительным поведением предлагается понимать два возможных действия болельщиков. Во-первых, демонстрацию и использование любых материалов, содержащих нецензурные, оскорбительные, угрожающие или побуждающие к насилию выражения. Материалами, несущими запрещенную информацию, как следует из норм Кодекса, могут являться рисунки, надписи, символы, эмблемы, пиротехническая продукция и другие визуальные средства. Во-вторых, скандирование, крики и иные проявления нецензурных, оскорбляющих, угрожающих или побуждающих к насилию действий. Также на клубы возложена ответственность за совершение принадлежащими к ним болельщиками действий, которые прямо или косвенно несут в себе оскорбление, унижение по причине принадлежности к конкретной территории.

---

⁶ См.: La Corte Sportiva di Appello Territoriale F.V.G. Stagione Sportiva 2014/2015. Comunicato Ufficiale N° 29 Del 04.10.2014.

⁷ См., напр.: La Corte Sportiva di Appello Territoriale F.V.G. Stagione Sportiva 2014/2015. Comunicato Ufficiale N° 29 Del 04.10.2014.

Действие норм Кодекса спортивной юстиции и Дисциплинарного регламента в пространстве

Ранее рассмотренная нами обязанность клуба предупреждать болельщиков об ответственности клуба за их поведение закреплена и в п. 4 ст. 12 Кодекса. Ее невыполнение, по аналогии с п. 5 ст. 11, влечет применение санкции в соответствии с подп. «б» п. 1 ст. 18 Кодекса. Однако, в отличие от п. 5 ст. 11, формулирование обязанности в п. 4 ст. 12 позволяет увидеть *распространение действия нормы п. 3 ст. 12 не только непосредственно на территорию стадиона, но также и вне его*⁸. В связи с дуалистическим действием норм п. 5 ст. 11 и п. 4 ст. 12 Кодекса на территории *возникает вопрос о наличии легального определения понятия «стадион»*⁹. Кодекс спортивной юстиции не содержит такого понятия, единственное уточнение содержится в нормах п. 2-bis ст. 62 Внутренних организационных норм FIGC¹⁰, упоминающих стадион и иные спортивные объекты, спортивные сооружения. Следовательно, нам необходимо обратиться к актам ФИФА и УЕФА, правоприменительной практике юрисдикционных органов УЕФА и FIGC, которые могут внести определенность в содержания понятия стадиона.

На уровне регулирования ФИФА понятие стадиона содержится в разделе «Термины» Регламента ФИФА о безопасности и порядке на стадионе (*FIFA Stadium Safety and Security Regulations*). Под *стадионом* предлагается понимать непосредственно спортивное сооружение, все строения и территорию в пределах ограждения внешнего периметра, воздушное пространство над сооружением, строениями и территорией (в дни матчей и во время тренировок на стадионе команды). Стадион также включает парковочные места, зоны VIP, зоны для развлечений, СМИ, трансляций, торговли, размещения рекламы, пресс-центр, игровое поле, трибуны и территорию перед трибунами. В свою очередь, УЕФА сформулировал понятие стадиона в положениях Регламента по лицензированию клубов и финансовой *fair play* (*UEFA Club Licensing and Financial Fair Play Regulations*) и Регламента УЕФА о безопасности и порядке (*UEFA Safety and Security Regulations*). В нормах ст. 3 Регламента по лицензированию *стадион* определяется как пространство для спортивного мероприятия, включающее все прилегающие объекты и строения, но не ограниченное ими (включая административные здания, зоны развлечения, пресс-центр, аккредитационную зону)¹¹. Согласно

⁸ «...Anche se commessi fuori dello stadio».

⁹ Например, Дисциплинарный регламент Российского футбольного союза в разделе «Список терминов и определений» следующим образом определяет стадион: комплекс спортивных сооружений, предназначенных для проведения учебно-тренировочного процесса и спортивных мероприятий по различным видам спорта, с прилегающей к нему территорией, вплоть до внешнего ограждения, основным элементом которого является спортивная арена, предназначенная для проведения соревнований по футболу. К стадионам также относятся спортивные площадки, на которых проводятся соревнования по спортивным дисциплинам футбола (в том числе по мини-футболу и пляжному футболу).

¹⁰ См.: Norme Organizzative Interne Della F.I.G.C. URL: [http://www.figc.it/Assets/contentresources_2/ContenutoGenerico/20.\\$plit/C_2_ContentutoGenerico_3817_Sezioni_1stSezioni_1_1stCapitoli_2_upffFileUpload_it.pdf](http://www.figc.it/Assets/contentresources_2/ContenutoGenerico/20.$plit/C_2_ContentutoGenerico_3817_Sezioni_1stSezioni_1_1stCapitoli_2_upffFileUpload_it.pdf) (дата обращения: 17.02.2017).

¹¹ Ср.: «The venue for a competition match including, but not limited to, all surrounding properties and facilities (for example offices, hospitality areas, press centre and accreditation centre)».

нормам ст. 45 Регламента УЕФА о безопасности и порядке клуб — организатор матча должен пресекать любые провокационные действия болельщиков (дискриминационное поведение, оскорбительное поведение, провокации по отношению к игрокам, болельщикам противостоящего клуба) *на стадионе и на прилегающей к нему территории*. Следовательно, прилегающая территория, если на ней не размещены примыкающие к строению стадиона объекты и здания, не включается в понятие стадиона.

Сформулированные в положениях Регламента по лицензированию клубов и финансовой *fair play* и Регламента УЕФА о безопасности и порядке понятия «вне стадиона» находят подтверждение в рассмотренном юрисдикционным органом *FIGC* деле клуба *Ostia Mare Lido Calcio*¹². В нем орган спортивной юстиции распространил действие нормы п. 3 ст. 12 Кодекса на стадион как пространство для спортивного мероприятия и прилегающую к нему объекты и строения (что включается в понятие стадиона, сформулированное в Регламенте ФИФА о безопасности и порядке на стадионе, и соответствует Регламентам УЕФА по лицензированию клубов и финансовой *fair play*, о безопасности и порядке), а также на прилегающую территорию — забор на парковке стадиона (зона парковки включена в понятие стадиона Регламентом ФИФА о безопасности и порядке на стадионе). Позиция органа спортивной юстиции свидетельствует о понимании *FIGC* стадиона в контексте позиции УЕФА (но не в русле более широкого подхода ФИФА), т.е. без учета прилегающей территории, если на ней не расположены примыкающие к строению стадиона объекты и здания. При этом ответственность клуба-организатора охватывает дискриминационное поведение болельщиков, продемонстрированное как на стадионе, так и на прилегающей к нему территории. Как следствие, ответственность клуба, играющего в гостях, за дискриминационное поведение принадлежащих ему болельщиков ограничена их действиями только на стадионе. Такой подход соответствует Регламенту УЕФА о безопасности и порядке, аналогичным образом определившему ответственность клуба — организатора матча.

Формулирование действия нормы ч. 2 ст. 14 Дисциплинарного регламента в части неопределенности относительно территории дискриминационного поведения болельщиков совпадает с положением п. 3 ст. 11 Кодекса спортивной юстиции. Учитывая закрепленную в положениях ст. 45 Регламента УЕФА о безопасности и порядке обязанность клуба-организатора пресекать дискриминационные действия болельщиков на стадионе и прилегающей территории, ответственность клуба-организатора по составу ч. 2 ст. 14 Дисциплинарного регламента определяется по аналогии. В отношении клуба, играющего в гостях, нет оснований расширять зону ответственности за дискриминационное поведение болельщиков на прилегающую к стадиону территорию, если на ней не расположены примыкающие к строению стадиона объекты и здания. Следовательно, играющий в гостях клуб отвечает на основании ч. 2 ст. 14 Регламента за дискриминационное поведение болельщиков, продемонстрированное только на стадионе. При этом используется понятие стадиона, предлагаемое в положениях ст. 3 Регламента по лицензированию клубов и финансовой *fair play*.

---

¹² См.: Federazione Italiana Giuoco Calcio. Corte Sportiva d'appello. IIa Sezione Comunicato Ufficiale. N° 112/CSA (2014/2015).

Сравнение действия норм Кодекса спортивной юстиции и Дисциплинарного регламента во времени

Отдельным вопросом является действие норм п. 3 ст. 11, п. 3 ст. 12 Кодекса спортивной юстиции, ч. 2 ст. 14 Дисциплинарного регламента во времени с точки зрения определения момента совершения болельщиками противоправных действий: до, во время, после матча. Обращаясь к п. 3 ст. 11 Кодекса, можно заметить, что момент совершения спортивного правонарушения нормативно не определен, а значит, действие нормы распространяется только на противоправные действия болельщиков непосредственно *во время матча*. В норме ч. 2 ст. 14 Дисциплинарного регламента не содержится указание на момент совершения болельщиками дискриминационных действий, подобного уточнения нет и в ч. 1 отмеченной статьи. В положениях ст. 26 Регламента УЕФА о безопасности и порядке устанавливается обязанность организатора матча предпринять все необходимые действия *по проверке стадиона на предмет присутствия несанкционированных лиц и (или) принесенных до допуска болельщиков на стадион запрещенных объектов, предметов*. В свою очередь, согласно нормам ст. 45 Регламента о безопасности клуб — организатор матча должен пресекать любое дискриминационное поведение на стадионе и на прилегающей территории. Таким образом, основываясь на положениях Дисциплинарного регламента и Регламента о безопасности, мы можем сделать вывод о *распространении действия ч. 2 ст. 14 в отношении клуба, играющего в гостях, только на период проведения матча, не включая время до или после него*. Клуб — организатор матча отвечает за дискриминационные действия болельщиков *до, во время и после матча*, поскольку на него возложена обязанность организации и обеспечения безопасности матча в соответствии с нормами ст. 26, 45 Регламента о безопасности¹³.

Круг субъектов, против которых направлено дискриминационное поведение

Спортивное правонарушение, предусмотренное составом ч. 2 ст. 14 Регламента, направлено на дискриминацию человеческой природы *конкретного лица или группы лиц*¹⁴. В отличие от используемой в Дисциплинарном регламенте УЕФА модели противодействия дискриминационному поведению болельщиков, Кодекс спортивной юстиции не детализирует субъекта или круг субъектов, против которых направлено посягательство, предусмотренное нормой *п. 3 ст. 11*, но по смыслу *распространяется только на физических лиц*. В качестве подтверждения приведем признаки дискриминации, сформулированные в п. 1 ст. 11, которые относятся к физическим лицам: *раса, цвет кожи, религия, язык, пол, национальность, этническое происхождение*. Дискриминационным, как считает юрисдикционный орган в деле клуба

¹³ В частности, надлежащее исполнение клубом — организатором матча обязанности в соответствии с нормами Регламента УЕФА о безопасности и порядке исключает применение к нему состава спортивного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА, вследствие противоправных действий болельщиков гостевого клуба. См.: решение по делу клуба *Ferencvárosi T.C.*

¹⁴ Ср.: «...human dignity of a person or group of persons».

*Frosinone Calcio*¹⁵, является поведение, которое ограничивает личную свободу, отказывает в признании индивида по какому-либо признаку, указывает на лицо как обладателя меньших прав.

Также в число признаков включается и территориальная дискриминация, когда действия болельщиков наносят ущерб внутренней свободе и достоинству человека на основании принадлежности вследствие рождения или по месту жительства к определенной территории. В апелляционном решении по делу клуба *A.C. Pavia*¹⁶ юрисдикционный орган поддержал ранее вынесенное решение о привлечении к спортивной ответственности, расценив содержание скандирования («кричалок») болельщиков клуба как дискриминацию болельщиков противоположного клуба по территориальному признаку, что соответствует составу правонарушения п. 3 ст. 11 Кодекса спортивной юстиции. При этом апелляционная инстанция не посчитала убедительным аргумент привлекающейся к ответственности стороны о вынужденном характере скандирования как ответа на оскорбительные, вульгарные крики болельщиков противостоящего клуба. Территориальный признак может лежать в основе и оскорбительного поведения, когда высказывание против субъекта является позорящим, вульгарным, хамским вследствие его принадлежности к определенной территории. И в деле клуба *Frosinone Calcio* скандирование болельщиков было направлено на оскорбление по территориальному признаку, но не преследовало территориальную дискриминацию.

Рецидив совершения клубами составов спортивных правонарушений вследствие дискриминационного поведения принадлежащих к ним болельщиков

Применение санкций, предусмотренных п. 3 ст. 11 Кодекса спортивной юстиции, в отношении клуба зависит от наличия рецидива, т.е. привлечения ранее к спортивной ответственности за совершение такого же противоправного деяния. Согласно сформулированному в нормах Кодекса подходу установление рецидива зависит от совершения ранее в течение одного сезона противоправного деяния, охватываемого составом правонарушения в соответствии с п. 3 ст. 11. Исключение из общего правила повторного совершения деяния в течение сезона, как следует из п. 2 ст. 21, обусловлено назначением юрисдикционным органом *FIGC* определенной спортивной санкции из перечня п. 1 ст. 18, а именно подп. *d, e, f, g, h, i, l, m*. В случае совершения правонарушения, за которое предусмотрена одна из санкций подп. *d, e, f, g, h, i, l, m* п. 1 ст. 18, понятие рецидива будет включать в себя деяние, установленное в следующем сезоне. Установление рецидива означает применение юрисдикционным органом *FIGC* более строгого наказания (включая увеличение размеров санкции и продолжительности ее применения), но с учетом тяжести деяния и систематического повторения. Поскольку санкции за совершение составов правонарушений, охватываемых нормами п. 3 ст. 11 Кодекса, включаются в упомянутый перечень,

¹⁵ См.: Corte Di Giustizia Federale. Sezioni Unite. Comunicato Ufficiale. № 179/CGF (2013/2014).

¹⁶ См.: Federazione Italiana Giuoco Calcio. Corte Sportiva d'appello. IIa Sezione Comunicato Ufficiale. № 090/CSA (2014/2015).

на ответственность клуба вследствие дискриминационного поведения принадлежащих к нему болельщиков распространяется *двухсезонная давность применения рецидива*.

Сложнее определяется давность установления рецидива в отношении спортивной ответственности клубов за *оскорбительное поведение* принадлежащих к нему болельщиков, предусмотренная нормой п. 3 ст. 12 Кодекса. Поскольку *по общему правилу* санкция за совершение упомянутого противоправного деяния определена в виде штрафа (подп. *b* п. 1 ст. 18 Кодекса), *давностью установления рецидива является один сезон*. В то же время в нормах п. 6 ст. 12 содержится оговорка: при установлении юрисдикционным органом в конкретном случае тяжести совершенного правонарушения и в зависимости от конкретных обстоятельств дела, охватываемого составом п. 3 ст. 12 Кодекса, применяется как одна, так и несколько из санкций, предусмотренные подп. *d, e, f* п. 1 ст. 18. Формулирование в норме статьи этого круга санкций в соответствии с п. 2 ст. 21 Кодекса означает использование юрисдикционным органом *двухсезонной давности применения рецидива*. В положениях п. *d* ч. 1 ст. 19 Дисциплинарного регламента закреплено правило рассмотрения рецидива как отягчающего обстоятельства. Рецидив применительно к противоправным действиям болельщиков, охватываемых составом ч. 2 ст. 14 Регламента, рассматривается как аналогичное правонарушение, совершенное в пределах *трех лет* с даты вынесения решения о привлечении клуба к ответственности. Применение рецидива согласно регулированию УЕФА разграничивается в зависимости от того, было ли установлено повторное нарушение или любое нарушение, следующее за повторным. Повторное нарушение ч. 2 ст. 14 Регламента означает применение двух основных санкций: проведение одного матча на домашнем стадионе без зрителей и штраф. Любое последующее нарушение означает применение более серьезных санкций, включая дисквалификацию из соревнования.

Подходы к проведению анализа поведения болельщиков на предмет наличия дискриминационной природы и ограничения от оскорбительного поведения

В апелляционном решении по делу клуба *Aosta Calcio 511*¹⁷ юрисдикционным органом *FIGC* была изложена позиция по поводу оценки демонстрации болельщиками баннера «Добро пожаловать обратно, кролики!». По мнению апелляционной инстанции, такой баннер некорректно рассматривать в качестве письменного выражения дискриминации, непристойного содержания или угрозы, поскольку баннером не преследуются противоправные цели, указанные в нормах п. 1 ст. 11 Кодекса спортивной юстиции: дискриминация кого-либо по определенному принципу. Термин «*кролик*» обычно используется применительно к человеку трусливому и поэтому не является ни дискриминирующим, ни оскорбительным. В результате апелляционная инстанция исключила из обвинения клуба вменяемое правонару-

¹⁷ См.: Federazione Italiana Giuoco Calcio. Corte Sportiva d'appello. IIIa Sezione Comunicato Ufficiale. N° 166/CSA (2015/2016).

шение по составу, предусмотренному п. 3 ст. 11 Кодекса. Продемонстрированный юрисдикционным органом *FIGC анализ содержания баннера постоянно применяется в практике компетентных органов УЕФА, но на основании иных стандартов и моделей доказывания.*

Так, в деле клуба *KKS Lech Poznań*¹⁸ апелляционная комиссия рассмотрела использованный болельщиками во время матча флаг на предмет дискриминационного содержания. Опираясь на стандарт «всесторонней убедительности» (*comfortable satisfaction*) представленных доказательств, субсидиарно следуя «балансу возможностей» (*balance of probability*) при оценке доказательств, а также основываясь на позиции Спортивного арбитражного суда об обязательной оценке контекста при экспертизе содержания баннеров¹⁹, юрисдикционный орган счел недоказанным дискриминационный характер поведения продемонстрировавших флаг болельщиков по следующим причинам. Во-первых, *не представлено доказательств для «всестороннего убеждения» апелляционной комиссии во взаимосвязи содержащегося во флаге словосочетания с нацистской идеологией.* Контекст, сопровождавший демонстрацию флага, не предоставляет доказательств о происхождении словосочетания и связи выражения с нацистскими группировками. Во-вторых, *с позиции «объективного, добросовестного наблюдателя» содержание флага не преследует дискриминацию, т.е. умаление человеческой природы конкретного лица или группы лиц.* Иными словами, не соответствует понятию дискриминации, сформулированному в ч. 1 ст. 14 Дисциплинарного регламента.

Сделаем несколько уточнений о стандарте доказывания «всесторонней убедительности», используемом при рассмотрении споров, вытекающих из Дисциплинарного регламента УЕФА, Контрольно-дисциплинарной и этической комиссией УЕФА, а также Апелляционной комиссией УЕФА. Этот стандарт мотивируется во многом благодаря практике Высшего федерального суда Швейцарии, в нескольких решениях отметившего, что проблемы частного права не могут регулироваться при помощи концепций уголовного права (в частности, стандарта доказывания «без обоснованных сомнений» (*beyond reasonable doubt*)). И конечно, федеральный суд никогда не обосновывал правомочность использования стандартов доказывания, используемых уголовным правом, применительно к спортивной юстиции. Оспаривание стандарта доказывания юрисдикционных органов УЕФА относительно часто представлено в практике по делам о спортивных правонарушениях, предусмотренных ст. 14, 16 Регламента, вызывая у комиссий необходимость вести просветительскую работу²⁰.

Относительно понятия «объективного, добросовестного наблюдателя» (*objective onlooker; objective, reasonable observer*) также необходимо сделать уточнение. Юрисдикционные органы УЕФА применяют эту модель для доказывания дискриминаци-

¹⁸ См.: *KKS Lech Poznań. Decision of 17 September 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.*

¹⁹ «Context in law is everything», см.: *CAS 2013/A/3324 & 3369.*

²⁰ В частности, дело клуба *Ferencvárosi T.C.*; дело *Hungarian Football Federation.*

онного характера совершенного болельщиками деяния²¹. Она была подробно рассмотрена Спортивным арбитражным судом²² и именно в таком смысле применяется в процессе производства уполномоченных органов УЕФА по спортивным правонарушениям. Как следует из модели «объективного, добросовестного наблюдателя», для признания клуба виновным в дискриминационном поведении болельщиков в соответствии с ч. 2 ст. 14 Дисциплинарного регламента не требуется доказывать наличие в действиях болельщика намерения дискриминации, достаточно установить совершенный дискриминационный акт. *Исследование мотивов не предусмотрено нормами ст. 14 Регламента, а наличие дискриминации устанавливается при помощи способа «добросовестного объективного наблюдателя».*

В целом по таким же основаниям, используя стандарт «всесторонней убедительности» представленных доказательств и модель «объективного, добросовестного наблюдателя», апелляционная комиссия не установила в деле клуба *WKS Śląsk Wrocław SA*²³ дискриминационный характер продемонстрированного во время матча баннера. И наоборот, упомянутая модель в процессе доказывания по делу клуба *Ferencvárosi T.C.*²⁴ позволила отвергнуть доводы апелляции о хореографическом характере жестов болельщиков и установить дискриминационную природу таких жестов, воспринимаемых «наблюдателем» как известное нацистское приветствие. Отказ от использования модели «объективного, добросовестного наблюдателя» и в целом стандарта доказывания УЕФА вызывает ошибки в квалификации деяния, которые были отмечены апелляционной комиссией в деле клуба *FC Dynamo Kyiv*²⁵, когда в действиях болельщиков установили «нечто похожее на нацистское приветствие» вместо выявления точного сходства.

В деле клуба *Verona F.C.*²⁶ федеральный трибунал предпринял попытку поиска эффективных критериев для оценки поведения болельщиков в качестве дискриминационного и преследующегося в соответствии с п. 3 ст. 11 Кодекса. В процессе рассмотрения спора был поставлен вопрос о характере вреда, который наносится «потерпевшему» таким поведением, и судебная инстанция пришла к выводу о неоднородности присутствующего *case by case* разного уровня посягательства на человеческую природу. Как заметил юрисдикционный орган, не всегда дискриминационное поведение болельщиков достигает достаточного уровня тяжести, посягая

²¹ Например, дело клуба *Feyenoord*. См.: Decision of 17 September 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.

²² См.: CAS 2013/A/3324 GNK Dinamo v UEFA. Par. 9.12, 9.13.

²³ См.: Decision of 26 November 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.

²⁴ См.: Decision of 3 February 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2015 — June 2015.

²⁵ См.: Decision of 2 February 2016. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2016 — June 2016.

²⁶ См.: Delibera del Giudice Sportivo presso la Lega Nazionale Professionisti Serie A – Com. Uff. n. 47 del 25.09.2015.

на частную жизнь «потерпевшего», чтобы можно было формально применять в отношении клуба спортивные санкции.

Упоминание в норме п. 3 ст. 11 оценки поведения болельщиков на предмет дискриминации *с точки зрения масштаба такого действия и возможности реального восприятия присутствующими при этом лицами*, включая лицо, против которого направлено поведение, препятствует, как посчитал рассматривавший дело орган судебной власти, формальному применению данного состава спортивного правонарушения. Необходимо учитывать последствия дискриминационного поведения, т.е. требование восприятия: поведение становится противоправным, если присутствует некое реальное влияние, негативное по сути, на события матча и на восприятие спортивного мероприятия как такового. Скандирования, выражения на баннере и прочие способы демонстрации дискриминационного поведения *должны не просто быть услышаны самим «потерпевшим» адресатом, но восприниматься им как дискриминация*. Аналогичное восприятие должно присутствовать и у других зрителей, т.е. *необходимо, чтобы прямо или косвенно была задета их человеческая природа, «демократический дух»*. Однако в рассмотренном решении юрисдикционный орган не прокомментировал возможность распространения понятия «зрители» на лиц, являющихся зрителями трансляции и также имеющими возможность воспринимать дискриминационный характер поведения болельщиков на стадионе.

С нашей точки зрения, распространение позиции судебной инстанции на зрителей, присутствующих удаленно, также является вполне обоснованным — их человеческая природа и «демократический дух» также находятся в зоне риска вследствие дискриминационного поведения болельщиков. Наш вывод подтверждается, в частности, решением апелляционной комиссии УЕФА по делу клуба *Feyenoord*²⁷, установившим телезрителя в качестве «потенциального объективного наблюдателя» для выявления дискриминационного характера поведения болельщиков. Значит, восприятие зрителями трансляции поведения болельщиков как собственной дискриминации удовлетворяет требованию масштаба противоправного действия возможности реального восприятия. В итоге юрисдикционный орган отменил решение первой инстанции спортивной юстиции о привлечении клуба к ответственности за дискриминационное поведение болельщиков. Основанием для такой позиции являлось *отсутствие восприятия футболистом, против которого было направлено поведение, и зрителями поведения как дискриминационного — выкриков никто не услышал, поскольку нет официальных подтверждений*.

В решении по делу клуба *U.S. Cremonese*²⁸ федеральный апелляционный суд *оценивал признаки дискриминационного поведения и оскорбительного поведения*, разграничив в конкретном случае оба действия болельщиков. Так, демонстрация баннера «позорный Comasco» (название противостоящего клуба) и нецензурное скандирование *не могут рассматриваться как дискриминационное поведение*: хотя действия

²⁷ См.: Decision of 17 September 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.

²⁸ См.: Corte Di Giustizia Federale. Sezioni Unite. Comunicato Ufficiale. № 179/CGF (2013/2014).

и являются противоправными, но не направлены на дискриминацию какого-либо субъекта по определенному признаку. В итоге апелляционная инстанция квалифицировала действия болельщиков как оскорбительное поведение согласно п. 3 ст. 12 Кодекса спортивной юстиции. Юрисдикционный орган расценил демонстрацию болельщиками баннера и их нецензурное скандирование в качестве вульгарного, хамского, т.е. оскорбительного поведения.

В деле клуба *Frosinone Calcio* федеральный апелляционный суд продемонстрировал *отграничение дискриминационного поведения болельщиков от оскорбительного*. Согласно позиции клуба необходимо разделять реальное дискриминационное поведение, уничижительное по отношению к достоинству субъекта и означающее непризнание его прав и свобод по определенному принципу, и оскорбительное поведение хотя и заключающееся в хамских, вульгарных высказываниях, но не направленное против достоинства и не преследующее цель ограничения прав и свобод. Несмотря на в целом верную дифференциацию составов спортивных правонарушений, предусмотренных положениями ст. 11 и 12 Кодекса, такая аргументация имеет существенный порок в связи с тем, что не был принят во внимание легальный способ доказывания характера поведения.

Положения ст. 11 Кодекса защищают интересы присутствующих зрителей, футболистов, официальных лиц от дискриминационного поведения болельщиков. Как мы ранее отмечали, п. 3 ст. 11 Кодекса предполагает оценку поведения болельщиков на предмет дискриминации *с точки зрения масштаба такого действия и возможности реального восприятия присутствующими при этом лицами*. Оценивается наличие последствий дискриминационных действий, а не только факт того, что поведение кто-либо увидел и (или) услышал. Без доказывания масштаба и возможности реального восприятия поведения болельщиков установление дискриминационного поведения невозможно. Специальные лица, присутствующие на матчах, устанавливают не только место совершения дискриминационного поведения и его содержание, но и анализируют масштаб действия и возможность его реального восприятия. При этом судья и боковые судьи также вправе фиксировать поведение болельщиков для последующего привлечения клуба к спортивной ответственности юрисдикционным органом²⁹. Дискриминационным, как считает юрисдикционный орган, является поведение, которое ограничивает личную свободу, отказывает в признании индивида по какому-либо признаку, указывает на лицо как обладателя меньших прав. Применительно к территориальной дискриминации действия болельщиков должны наносить ущерб внутренней свободе и достоинству человека исходя из принадлежности к определенной территории вследствие рождения или по месту жительства. Территориальный признак может лежать в основе и оскорбительного поведения, когда высказывание против субъекта является позорящим, вульгарным, хамским вследствие принадлежности субъекта к определенной территории. В рассматриваемом деле скандирование болельщиков было направлено на оскорбление по территориальному признаку, но не указывало на территориальную дискриминацию.

²⁹ Зафиксированное судьей, боковыми судьями дискриминационное поведение болельщиков признается в соревнованиях под эгидой УЕФА основанием для открытия дисциплинарного производства. См. решение по делу *Fejenoord*.

В связи с упомянутым поиском эффективных критериев для разграничения дискриминационного и оскорбительного поведения болельщиков интересна позиция почетного председателя Конституционного суда Италии по поводу применения п. 3 ст. 12 Кодекса об оскорбительном поведении болельщиков. Как заметил господин Валерио Онида³⁰, председатель Конституционного суда Италии с 1996 до 2005 г., нельзя усматривать в любом баннере политического содержания, продемонстрированном на стадионе, признаки дискриминационных, оскорбительных, насильственных действий. Вполне разумно, что если речь идет о баннере расистского содержания или оскорбительном баннере, то болельщику может быть запрещен доступ на спортивные мероприятия. Однако *в случае демонстрации баннера политического содержания применение запрета будет необоснованным ограничением свободы мысли*, гарантированной нормами Конституции Италии.

Соблюдение юрисдикционными органами принципа соразмерности характера и тяжести совершенного деяния назначенной санкции³¹, а также оценка обстоятельств в качестве смягчающих или отягчающих

В деле клуба *A.S. Arta Terme* было использовано не имеющее легального закрепления в нормах Кодекса спортивной юстиции понятие «малозначительности» противоправного деяния для оценки соразмерности характера деяния и назначенной санкции. Так, *дискриминационное поведение одного болельщика может рассматриваться как малозначительное деяние* по результатам выполнения оценки дискриминационного поведения с точки зрения (1) масштаба такого действия и (2) возможности реального восприятия присутствующими при этом лицами, включая лицо, против которого направлено поведение. При этом «малозначительность» в интерпретации апелляционной инстанции означает результат обязательной оценки характера, тяжести совершенного деяния и назначенной санкции, т.е. соблюдения соразмерности.

Для признания деяния, предусмотренного составом п. 3 ст. 11 Кодекса, малозначительным, по мнению юрисдикционного органа, необходимо, чтобы масштаб дискриминационного поведения был незначительным, а возможность его восприятия присутствующими на матче лицами не была доказана. В целом позиция юрисдикционного органа представляет собой развитие заложенной в п. 3 ст. 11 Кодекса идеи об оценке поведения в качестве дискриминационного в зависимости от масштаба и реального восприятия данного поведения участвующими в матче, присутствующими на матче или наблюдающими за матчем по трансляции лицами. Так, в рассматриваемом деле было установлено, что только один болельщик использовал расистское выражение один раз во время матча и повторил после его окончания, но ни

---

³⁰ См.: *Bonomi A., Pavich G. Daspo E Problemi Di Costituzionalità // Diritto penale contemporaneo. P. 16. URL: http://www.penalecontemporaneo.it/upload/1432283220BONOMI_PAVICH_2015.pdf (дата обращения: 18.02.2017).*

³¹ Как следует из нормы п. 1 ст. 16 Кодекса спортивной юстиции, юрисдикционный орган обязан учитывать характер и тяжесть совершенного деяния при выборе вида и меры спортивной санкции.

футболист, к которому оба раза было обращено выражение, ни присутствующие на матче лица не заметили дискриминационного высказывания и поэтому никак не отреагировали. В качестве дополнительного обоснования незначительного масштаба поведения *юрисдикционным органом было подчеркнуто отсутствие в баннерах и скандировании болельщиков, включая упомянутого в деле лица, дискриминационных выражений*. При этом противоправность поведения болельщика не вызывает сомнений, но установленная малозначительность деяния обуславливает необходимость назначения санкции в минимальном размере.

Оценка реального восприятия дискриминационного поведения была продемонстрирована и в решении по делу клуба *A.C. Ravia*: апелляционная инстанция применила *принцип соразмерности* характера и тяжести совершенного деяния и назначенной санкции, указав на то, что «...высказывания не были крайне серьезными, хотя и были повторены несколько раз», а значит, *имеется основание для снижения размера назначенной клубу санкции*.

Юрисдикционные органы УЕФА не оперируют *понятием малозначительности дискриминационного поведения болельщиков*, опираясь отчасти на отсутствие легального закрепления такого института в дисциплинарном регламенте, и отчасти — на иную модель доказывания дискриминационного характера поведения («объективного, добросовестного наблюдателя»). Последний довод даже более значим, поскольку Кодекс спортивной юстиции также не содержит легального понятия малозначительности деяния, но органы итальянской спортивной юстиции тем не менее обращаются к этому термину в своей практике.

Использование модели «объективного, добросовестного наблюдателя» продемонстрировано апелляционной комиссией УЕФА при рассмотрении дела клуба *Feenoord*. Применяя такую модель доказывания, комиссия признала несостоятельными доводы клуба о том, что болельщик не рассматривал и не мог рассматривать свое поведение как дискриминационное из-за собственной национальности. Дискриминационный характер устанавливается с позиции «объективного, добросовестного наблюдателя», а не болельщика или клуба, и поэтому брошенный на поле искусственный банан представляет собой акт дискриминации: *символы бананов хорошо известны как связанные с дискриминацией игроков африканского происхождения*. Когда кто-то использует на матче этот символ, затруднительно предполагать, что гипотетический «объективный, добросовестный наблюдатель» может расценить его не в дискриминационном контексте. Дополнительно подкрепляет выводы юрисдикционного органа УЕФА о соразмерности характера совершенного деяния санкции тот факт, что судья и его помощник как официальные лица матча отметили в протоколе, что действия болельщика являлись дискриминационным актом, направленным против игрока африканского происхождения, что подтвердил и делегат организации *FARE Network*.

Решение федерального апелляционного суда по делу клуба *A.C. Monza Brianza 1912*³² позволяет нам выделить позицию юрисдикционного органа применительно к оцен-

³² См.: Corte Di Giustizia Federale. Sezioni Unite. Comunicato Ufficiale. № 179/CGF (2013/2014).

ке отдельных фактов как *смягчающих обстоятельств*. Дискриминационное поведение болельщиков, представляющее состав спортивного правонарушения согласно п. 3 ст. 11 Кодекса, в отношении игрока противостоящей команды, выражающееся в скандировании, вызвало необходимость остановки матча. Апелляционная инстанция отменила ранее назначенные клубу штраф и закрытие одного сектора, но не вследствие применения смягчающего обстоятельства. По мнению клуба, таким обстоятельством следовало бы признать проведение им последовательной политики нетерпимости и борьбы против дискриминации. Но юрисдикционный орган указал, что *данное обстоятельство не может являться смягчающим, поскольку клубы обязаны осуществлять работу по предотвращению дискриминационного поведения принадлежащих им болельщиков*³³. Отметим, что эта обязанность подтверждается не только упомянутой нами нормой п. 5 ст. 11, но и ст. 13 Кодекса. Тем не менее апелляционная инстанция посчитала назначенную санкцию *не отвечающей критериям соотнесения характера, тяжести совершенного деяния и назначенной санкции*. Как следствие, новая санкция была более мягкой (условное применение санкции³⁴ в виде закрытия определенного юрисдикционным органом сектора стадиона на один матч) и применялась бы в случае повторения дискриминационного поведения болельщиками клуба. Таким образом, факт наличия антидискриминационной политики клуба рассматривается в практике юрисдикционных органов как выполнение возложенной на него обязанности по недопущению противоправного поведения болельщиков, обусловленной предусмотренной в п. 3 ст. 11 ответственностью клуба.

В деле клуба *A.C. Ravia* юрисдикционный орган признал в качестве *смягчающего обстоятельства активные действия клуба*³⁵ *во время матча по пресечению при помощи своего персонала (в частности, стюардов) дискриминационного поведения болельщиков*. Однако в практике юрисдикционных органов УЕФА³⁶ *ни выявление на матче нарушителей, ни использование стюардов не признаются смягчающим обстоятельством*, поскольку такие действия клуба обусловлены выполнением им обязанности, возложенной Регламентом УЕФА о безопасности. Но любые *дополнительные, т.е. не предусмотренные нормами регламентов УЕФА, правомерные действия клуба по борьбе с нарушителями будут учитываться при определении размера санкции*.

Оценка на предмет смягчающего обстоятельства продолжительности демонстрации баннера в практике органов спортивной юстиции Италии в целом соответствует *практике юрисдикционных органов УЕФА*. Например, в решении контрольно-

---

³³ Аналогичное мнение было высказано Апелляционной комиссией УЕФА в решении по делу клуба *Ferencvárosi T.C.*

³⁴ Один год рассматривается как испытательный срок для клуба, в течение которого совершение дисциплинарного проступка вследствие поведения болельщиков означает право юрисдикционного органа применить ранее имевшую условный характер санкцию. Подробнее об условном применении санкций см. п. 2 ст. 16 Кодекса спортивной юстиции.

³⁵ Совершение таких действий клубом было признано смягчающим обстоятельством и в решении по делу клуба *Ostia Mare Lido Calcio*.

³⁶ См.: решение Апелляционной комиссии УЕФА по делу клуба *Ferencvárosi T.C.*

дисциплинарной и этической комиссии (*Control, Ethics and Disciplinary Body*) по делу клуба *Beitar Jerusalem FC*³⁷ аргумент о стремлении большей части принадлежащих к клубу болельщиков убрать дискриминационный баннер *не был признан смягчающим обстоятельством (Mitigating circumstance)*. Аналогично и при апелляционном рассмотрении жалобы *Croatian Football Federation*³⁸ юрисдикционный орган УЕФА *не придал юридического значения непродолжительной демонстрации дискриминационного баннера и не использовал свое право определить смягчающее обстоятельство*. Заметим, что в практике юрисдикционных органов УЕФА клубы также периодически, как и в деле *Hungarian Football Federation*, приводят аргумент относительно *непродолжительности скандирования, но в качестве смягчающего обстоятельства этот факт тоже не оценивается*.

Выводы

Предложенный *FIGC* подход к квалификации дискриминационного поведения болельщиков как основания для спортивной ответственности клуба отличается от концепции, сформулированной в Дисциплинарном регламенте УЕФА. Так, установление дискриминационного поведения опирается на исследование масштаба действия и возможности реального восприятия поведения присутствующими лицами, включая лицо, против которого направлено поведение. Такая концепция квалификации препятствует формальному применению данного состава спортивного правонарушения — необходимо учитывать последствия дискриминационного поведения, заключающиеся в восприятии некоего поведения в качестве дискриминации. При этом практика юрисдикционных органов *FIGC* однозначно включает территориальный признак в направленность дискриминационного поведения. Подход, используемый УЕФА, не предполагает доказывание дискриминационного мотива, и следует алгоритму: 1) установление факта поведения; 2) оценка поведения объективным, добросовестным наблюдателем; 3) вывод о том, что поведение является дискриминационным или недискриминационным.

Говоря о соразмерности ответственности клуба вследствие дискриминационного поведения принадлежащих к нему болельщиков, юрисдикционные органы *FIGC* обращаются к оценке масштаба дискриминационного поведения: возможность его восприятия присутствующими на матче лицами не должна быть доказана (к примеру «...высказывания не были крайне серьезными, хотя и были повторены несколько раз»³⁹, а значит, имеется основание для снижения размера назначенной клубу санкции). Ни нормативное регулирование, ни практика юрисдикционных органов УЕФА не предлагают такого прецедента оценки соразмерности деяния выбранной санк-

³⁷ См.: Decision of 23 July 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.

³⁸ См.: Decision of 17 September 2015. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. July 2015 — December 2015.

³⁹ См.: Federazione Italiana Giuoco Calcio. Corte Sportiva d'appello. Ila Sezione Comunicato Ufficiale. N° 090/CSA (2014/2015).

ции и ее размеру. В вопросе выявления смягчающих обстоятельств по делам об ответственности клубов вследствие дискриминационного поведения принадлежащих к ним болельщиков также нет единообразия между подходами *FIGC* и УЕФА. Согласно практике *FIGC* смягчающими обстоятельствами признаются активные действия клуба по пресечению дискриминационного поведения болельщиков при помощи своего персонала во время матча. В свою очередь, в решениях юрисдикционных органов УЕФА ни выявление на матче нарушителей, ни использование стюардов не признаются смягчающими обстоятельствами. В качестве таковых гипотетически могут рассматриваться любые дополнительные правомерные действия клуба по борьбе с дискриминационным поведением болельщиков, не охватываемые его прямой обязанностью в силу норм Регламента о безопасности.

Как мы заметили, нормативное регулирование, правоприменительная практика *FIGC* и УЕФА об ответственности клубов за дискриминационное поведение принадлежащих к ним болельщиков складываются по-разному, что обусловлено формальной независимостью национальных ассоциаций — членом УЕФА и УЕФА непосредственно. Статус члена для национальной ассоциации означает консолидацию с УЕФА уставных целей, неотъемлемо включающих активное противодействие дискриминационному поведению болельщиков и вытеснению такого поведения за пределы футбола и спортивных соревнований. Детализация алгоритма привлечения клубов к ответственности за дискриминационное поведение болельщиков с учетом обязательного использования принципа строгой ответственности оставляется в сфере дискреции нормативных актов национальных ассоциаций и их юрисдикционных органов.